

Станислав Колокольников

Родился 25 февраля 1974 года в городе Новоалтайске Алтайского края.

Работал курьером, строителем, арт-директором клуба, журналистом.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. Станислав Владимирович Колокольников – член Союза писателей России.

Его рассказы регулярно печатаются в журнале «Алтай» (*учредитель – Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова*), публикуются в «Журнальном мире» (*интернет-портал российского художественно-литературного журнала «Сибирские огни»*).

Живёт на Алтае.

Редколлегии альманаха «Кузнецкая крепость» удалось договориться с писателем о публикации на страницах нашего издания его удивительно своевременной прозы – очень своеобразной, самобытной по стилю и насыщенной богатым содержанием современных реалий жизни.

ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

В Москве я долго пытался пристроить свою первую повесть и несколько рассказов. Не скажу, что они были хороши, но друзьям, Ане и Пете Барановым, нагрывавшим в гости летом на Алтай, понравились. Они решили, что я мог бы стать известным писателем.

Никуда я не собирался, но после отъезда Барановых дома повсюду начал находить записочки с одним и тем же посылом: «Славка, пора в Москву!» Это было трогательно и смешно.

Бумажки с призывными словами я обнаруживал в сахарнице, в коробке с чаем, под подушкой, между книг, в карманах и рукавах, в носках, последняя нашлась на финише рулона туалетной бумаги. Делать было нечего, я поел.

Поздняя осень накануне двухтысячных, наверное, мало чем отличалась от сотен предыдущих, но в воздухе витало нечто, возбуждающее воображение. Может, из-за всеобщего ожидания нового отсчёта времени либо его конца.

На улице Вавилова рядом с Дарвиновским музеем в съёмной небольшой квартире, где Барановы выделили мне спальное место на кухне, меньше чем за месяц я перевёл текст рукописи из бумажного формата в цифровой. Что-то подсказывало – известность она в ближайшее время не принесёт. Однако я вошёл во вкус, а может, так себе внушил, но не писать уже не мог.

– Реальная магия, – откровенничал я с друзьями, – кажется, она во мне давно.

РАССКАЗ

– Надо же! С чего это началось? – спрашивали Барановы.

Аня работала в лаборатории при институте общей генетики, а Петя был психологом. С утра до вечера они пропадали по делам, летали по городу, как пчёлки, чтоб удержаться в столичном улье. Виделись мы только по вечерам, по выходным они уезжали к знакомым на природу.

– Помню, первый раз читал Платонова, а у меня аж мурашки по коже, – рассказывал я, ничуть не приукрашивая, – и чувствую, трансформируюсь.

– В кого?! – позёывая, удивлялись Барановы.

– В кого-кого... – тут уж я не знал как ответить. – А может, как вы и хотели, в известного писателя. Писать! Проволочки губительны!

– Твоё?

– Нет, Саши Соколова.

Повесть и рассказы я распечатал, скопировал на дискеты, и после недели долгих прогулки по зимнему городу сопровождался визитами по адресам больших и малых издательств.

Нигде сразу не отказывали и спрашивали: «А есть ли у вас в столе ещё повести или роман?» Но у меня более ничего не было, и в редакциях только разводили руками – мол, наберите портфель побольше и тогда приходите.

Через месяц, уже в новом тысячелетии, я решил отложить походы в редакции до лучших времён.

Да и Барановы перестали верить, что я скоро прославлюсь.

– Мы тут тебе работу подыскивали в гонимой мастерской. Может, пока попробуешь себя в этом деле? – предложили они.

– Даже не знаю... Наверное, не в этот раз. Скучаю по родным местам...

Я освободил кухню, понимая, что занимать её уже неприлично.

До весны я жил в Барнауле по съёмным квартирам, у знакомых, у родственников. А в апреле уехал в Уймонскую долину на строительство турбазы у слияния Катунь и Коксы. Шабашки находили меня сами, словно зыбкая удача бичкомбера. И я старался не иметь на будущее наполеоновских планов, никакого покорения мира, так – лишь бы было где перекапаться да заработать на новые ботинки и штаны. Жизнь воспринималась, как дорога, которая видна до ближайшего поворота.

Время в горах пролетело быстро, и в ноябре по окончании всех летних забот соседи, новые приятели и коллеги начали впадать в запой. Погода и настроение только тому способствовали. Спасая заработок, я уехал и отсюда. И вскоре снова был готов на что угодно. Меня никто не увещевал, как мистер Крейцнер своего сына, в том, что у него нет другой причины, кроме склонности к бродяжничеству, покидать отчий дом, где легко выйти в люди и жить в довольствии.

Через знакомых я устроился на работу к алтайским староверам, жившим на Рогожке и державшим медовую лавку на ВДНХ. Торговать алтайским мёдом, бальзамами и травами – дело не хитрое. Главное – с кем и где.

О староверах я помнил немного, как все. Начались их скитания после раскола церкви при Никоне, и поныне они налагают крест двумя перстами. Ещё я знал, что протопоп Аввакум был одним из первых известных русских писателей. А так как учился на филолога, то в сознании зацепилась одна его фраза: «Аз же от изгнания переселился во ино место».

– Что знаешь о мёде? – спросил меня старшой среди староверов, нарядный мужик с бородой, как у Робинзона Крузо, когда я в конце зимы заявился на Рогожку.

– Как говорили Магомет, римский учёный Варон и русский пчеловод Прокопович, ешьте мёд и выздоровеете, – отчеканил я готовый ответ.

– Молодец! Проходи, будешь с нами жить. А живём мы здесь тихо, по-божески. У нас тут за оградой сам митрополит Олимпий. Лишнего себе не позволим.

– И кладбище, значит, здесь тоже старообрядческое?

– Да. Склеп там большой, Морозовых.

– Видел. А рядом с кладбищем здание старое без крыши. Давно стоит?

– Давно. Ещё с той поры, когда наполеоновские солдаты грабили Таганку и Рогожку. Они здесь в Покровском соборе сделали конюшни. При пожаре в том месте крыша обвалилась, так и стоит. А рядом в Христорожественской церкви вообще пивная была.

– Нехорошо, – покачал я головой, однако отмахиваясь, что в горле пересохло.

Остальные продавцы мёда смотрели на меня молча и с любопытством. Потом выяснилось: все они, русские, белорусы, молдаване и аварец, как матросы на пиратский корабль, попали кто откуда потрепанные житейскими штормами.

– Куда меня занесло!?! – жаловался я Барановым, найдя их там же на улице Вавилова. – Я не привык молиться перед завтраком и ужином. Мёд в любых количествах это хорошо, но ведь его нужно втягивать с утра до вечера. Нельзя так просто сидеть за прилавком, книгу читать. Надо зазывать: «Алтайские травы, мёд, бальзамы! Подходим, пробуем, восхищаемся! Покупаем!». Кха-кха...

Я закашлялся, отставляя чашку с чаем.

– Всё просто отлично. Мёд – символ поэзии, – радовалась Аня, хлопая меня по спине. – Представь, что староверы – это волшебные малютки-медовары. Помнишь, в Старшей Эдде есть чаша поэзии, полная мёда богов, его в спешке расплескали, и кому на голову пали капли мёда, тот стал поэтом. Тебе ещё повезло, что ты торгуешь мёдом.

– Почему?

– Тут не капли – целая бадья. А тебе всего-то нужно – отдать должное мёду поэзии и какое-то время этим позаниматься.

– Чем позаниматься? Мёдом или поэзией?

– Тем и другим. Ешь мёд и сочинишь что-нибудь. Толк будет, и здоровье поправишь. Да и в молитвах нет ничего плохого. Так что пойми, ты попал не в самую плохую компанию.

– Ну не знаю, кха... Кстати, чем больше першит в горле после пробника мёда, тем мёд лучше.

Староверы со своим товаром отправляли продавцов по ярмаркам всего ближнего и дальнего Подмосковья.

Перемещаясь каждую неделю на новое место, за лето я побывал почти в каждом ДК по малому Московскому кольцу. Жизнь в Истре или Электростали мало чем отличалась от провинциального города, где я родился, и мне было комфортно разбегать по импровизированным базарам из прошлого.

Осенью с началом медовой ярмарки в Коломенском поставили меня за прилавок в пару к жене главного бородача.

Мария Яковлевна женщина была строгая, но справедливая, к вере относилась серьёзно, но было в её религиозной отстраненности что-то трагичное.

Как-то вечером ехали мы, уставшие, зажатые людьми в метро, на Рогожку. Путь не близкий, и я вполголоса рассказывал о своих путешествиях.

– Чем-то похож ты на моего Стасика, – вдруг невесело произнесла Мария Яковлевна.

– Какого ещё Стасика?

– Известный поэт он был, любил меня очень, и я его любила.

Мария Яковлевна вздохнула.

– Только пил он много, бродяжничал. Больше всего не любил работать, как все, официально. Говорил, что дед его, белогвардейский офицер, завещал ему не покидать родину и не работать на государство... Уезжал мой бродяга в тайгу – охотился, промышлял. В общем, к осени всегда деньги привозил. Гулял на них. А однажды его избили по пьяному делу. Да так избили, что умирать стал.

– Долго мой Стасик мучился... А как умер, я в один день и постарела. После ещё год в больнице лежала – память отказала, не узнавала никого. Это уж потом я с другим обвенчалась, к старообрядцам обернулась и к Богу пришла.

Она вынула из сумочки маленькую книжку в мягкой обложке и протянула мне. Это был сборник стихов «Я – файтер» её любимого поэта Станислава Яненко. Я раскрыл наугад.

– Файтер, такой боксёрский термин, – объяснила Мария Яковлевна. – Это боксёр наступательного боя, он плохо владеет приемами защиты и вынужден держать удар противника.

Мне было интересно: настоящий поэт, как вкусный белый высокогорный мёд, большая редкость. Ну, это каждый знает.

Первые же строчки по-бойцовски устремились вперёд, я еле успевал уворачиваться:

«Я – файтер. Жизнь меня учила.

Да так учила – в дых и в пах.

Самонадеянность лечила

В прижимах и на шиверах».

Я перелистывал страницу за страницей, понимая, что малютки-медовары и сюда хорошенько плеснули из своей чаши.

«Сколько вынес, а понял немного.

Ну, а может быть,

больше чем кто-то другой.

Есть у всех одиноких

спасенье – дорога,

А в тревогах её – первозданный покой».

Прочитав книгу, я всю ночь думал о том, как бывает печальна земная жизнь поэта, как она всё время ищет выхода к своим истокам. Чем больше я об этом думал, тем сильнее одолевало беспокойное чувство, будто я предавал кого-то в себе.

После этой ночи мне стало не по себе у староверов.

Рядом со старообрядческим кладбищем был ипподром. По вечерам после ужина, наблюдая за лошадьми, гарцующими на осенних листьях, я засиживался там в компании молодого хулигана, недавно прибывшего из Косихи с партией свежего мёда. Вася Морин несерьёзно относился к староверам и меня принимал за своего.

На ярмарке нам приглянулась одна продавщица, и я стал часто затрагивать тему любви в жизни писателей. Васю это забавляло, и он потешался над моими чувствами.

– Русский человек, как сказал известный писатель Фёдор Достоевский, жалуется на две вещи, на отсутствие денег и на несчастную любовь, – просвещал я Васю.

– Ты поэтому ходишь с таким кислым лицом, и по вечерам что-то постоянно пишешь? Любовные стихи Люське, что ли?

– Да что я? Вот наш друг Пушкин... – хотел пошутить я.

– Вот как раз с Пушкиным мне всё ясно, – посмеивался Вася. – С тобой – нет. Тебе это зачем?

Последнее время у меня было мало внимательных собеседников, не перед кем было раскрываться, и я пользовался случаем:

– Это не любовные стихи. Пишу, Васёк, рассказы. Я очень в литературу верю. Она, понимаешь, для меня волшебная вещь. Уверен, что писатель должен и может видеть в воображении мир, которого ещё нет, но обязательно будет. Видеть свет, который идёт к нам. Знать про человека даже то, что он про себя не знает... А что, земля, разве не в этом сила литературы?

– Я-то откуда знаю? Я чё – известный писатель?

– Ты другое должен знать, – разошёлся я. – Именно слово защищает нас от внезапных и вражеских сил нашего прекрасного и яростного мира!

– Да ну тебя... Ты с Люськой так разговаривай, а то ты ей только лыбишься. Мне это не интересно.

– Пусть ты далёк от эпистемологии как таковой, и от эпистемологии чулана тем более, – уже нёс чушь я, чтоб позлить Васю, – но это не значит, что ты не выходишь за рамки здравого смысла.

Вася скривил недовольную гримасу.

– Как-как? От чего я далёк?
– Э-пи-сте-мо-ло-гия, – по слогам повторил я.

– Да иди ты со своей писимологией! – взорвался Вася. – У вас тут в Москве чё у всех крыша едет? Если бы брату не обещал здесь держаться, умотал бы уже к себе в Косиху. Мои друзья, Гусь и Квак...

И Вася, тоже ждавший момента выговориться, рассказывал о похождениях со своими дружками-хулиганами, как они куролесили, проказничали и долдонили на родном селе. За эти проказы Васю и отправили на Рогожку, чтобы временно не мозолил глаза осерчавшим односельчанам.

От староверов я вскоре ушёл.

Когда сообщил главному бородачу, тот посмотрел на меня, словно я был плут, проныра и содомит, почище чем Паисий Лигарид, и лишь спросил:

– Куда ж ты уходишь в зиму? Декабрь на пороге. Где жить будешь?

– Что-нибудь придумается, – пожал я плечами.

Осень засыпало снегом. Я попросился на недельку на знакомую кухню. Петя Баранов посоветовал сделать имя любимым способом и напечататься в коммерческом журнале или альманахе:

– Платишь деньги, тебя печатают и раскручивают до известного писателя. Зайди в дом, где издательство «Молодая гвардия», там на третьем этаже есть нечто подобное.

Я пошёл туда. На одном этаже обнаружил целых два коммерческих издательства, «Э.Р.А.» и «Истоки». Выбрал первое.

Прочитав принесённый рассказ, Эвелина Борисовна Ракитская, замутившая предприятие «Э.Р.А.», сказала, что за пятьдесят моих баксов напечатает.

Заняв у Пети, подкинувшего авантюрную идею, я вкупился.

– Отдашь, как станешь известным писателем, – сказал Петя, нехотя расставаясь с валютой, явно не веря, что она вернётся в ближайшие лет десять.

Не раздумывая, я всё сделал, как сказали. Подождав неделю, я стал названивать в «Э.Р.А.», пытаясь выяснить, когда же стану знаменитым. Потом перечитал рассказ и понял – не скоро.

Я испугался, что денег уже не вернуть, и поспешил к Эвелине Ракитской домой. Она долго убеждала не отказываться от идеи печататься в её альманахе, который скоро разойдётся по рукам известных писателей здесь и за рубежом, и моё имя станет на слуху.

Я упирал на то, что поиздержался и теперь слишком жирно самому оплачивать свои публикации.

– Буду, как Генри Чинаски, ждать своего мецената, который будет платить по сто баксов в месяц, лишь бы я писал свои рассказы, – шутил я.

Эвелина с распущенными волосами походила на старушку-цыганку-гадалку, которая, вцепившись в руку, не отпустит, пока монеты не перекачает из кармана доверчивого проходимца в её собственный.

– Не забывайте, Слава, что по договору вам, как и другим авторам альманаха, полагается по десять экземпляров, что за пятьдесят долларов вполне нормально.

– Наше барахло за наши же деньги, – упирался я. – Дудки.

– Можете их продавать, отсылать в другие редакции и ...

– И подтираться!

– Что вы говорите, Слава! – возмущалась Эвелина, но руку не выпускала. Видимо, немного нашлось простофиль, готовых заплатить деньги, чтоб над ними потом ещё и смеялись.

В тот момент я был непоколебим, мне было все равно, попаду в хрестоматию по литературе или нет.

– Деньги нужны, отдал вам последние, – клянчил я. – Мне есть не на что.

Эвелина сунула в мою ладонь деньги и сразу стала выпроваживать.

– Эвелина Борисовна, – упёрся я на пороге, – а когда разбогатею, большую книгу напечатаете? Я вас озолочу тогда.

– Идите, Слава, идите... И больше не приходите, – толкала «цыганка». – Зачем мне такая головная боль? Сегодня вы решили так, а завтра эдак. Идите и печатайтесь в тех же «Истоках», там быстрее и дешевле. Вот одна женщина отдала им свой текст, так они вместо «юности лоза» напечатали «юности коза». Каково?

– Хм.

– Вот так, вам «хм», а у женщины истерика. Ну вот кто там будет печататься?

– А по-моему, юности коза неплохо звучит...

– Прощайте, Слава, раз неплохо. Идите в «Истоки»!

Вот так началась и замерла моя литературная карьера. Вы спросите: куда подевалась надежда на успешное писательское будущее? Не знаю. Вы бы ещё спросили: ou sont les neiges d'amont? Куда подевался прошлогодний снег?

Обменяв вернувшиеся доллары, я пошёл в «Проект ОГИ» в Потаповском переулке.

ке. Нравилась мне тамошняя непринуждённая атмосфера. В Москву понаехало немало прежних знакомых, и за столиками клуба можно было увидеть кого-нибудь из них и перекинуться парой слов.

Как и предполагалось, я встретил знакомых и подсел к ним. Земляки пили пиво и трепались ни о чём, играли словами и похохатывали.

Подкинув пару фраз, я заскучал и, желая избежать пустого трёпа, пошёл в читальный зал. В «Проекте ОГИ» имелась комнатка, где продавали чтиво на любой вкус.

У полки с книгами Генри Миллера, листа «Сексус», посмеивались парень и девушка. Я подошёл ближе. Парень тянул на мужика в самом расцвете сил, ему явно зашкаливало за тридцать, от него несло перегаром.

– Я прочитал всего Миллера, – хвалился он. – Это мощный писатель. Один из моих любимых.

Девушка-продавщица верила и спрашивала совета: что бы для начала почитать.

– Начинать даже не с «Тропика Рака», а с «Чёрной весны».

Я тоже вставил слово за Миллера, за его текст про Рембо.

– А ваш любимый писатель? – спросила меня девица.

– Виктор Голявкин.

Парень пожал мне руку, мы разговорились.

– Стоматолог, – представился знаток американской литературы. – Для друзей просто Дюся.

– Слава Сибаритов. Для друзей просто... Коля! Ха-ха, шутка! – сам себя рассмешил я и перевёл разговор. – Стоматолог, я так понимаю, не профессия?

– С детства боюсь дантистов. Я делаю сайты. Сейчас, между прочим, для Кутикова из «Машины времени».

– «Машина времени» меня не цепляет, – признался я. – Тем более Кутиков – поёт противно.

– Да уж, – деликатно замаял тему Стоматолог.

Дюся был навеселе и лёгок в общении. Он приобнял нас с девицей за плечи и стал рассказывать авантюрную историю о поездке в Париж.

– Началось всё с того, что я занял денег у знакомых японок. Они неожиданно разбогатели и не знали куда баксы девать. Я знал, на что хочу потратить, и поехал в Париж. Там баксы очень быстро кончились, и я поехал в Испанию на заработки. Три месяца я слонялся от Барселоны до Наварры, отработал у полувинных помещиков вдоль трассы.

Стоматолог наполнил три стопки, девица отказалась.

– И вот, наконец, перевязанный поясом из франков я вернулся в Москву на следующий день после путча, – продолжал Стоматолог. – Кругом неразбериха, баррикады, выстрелы, а я хожу обмотанный валютой и ничего не понимаю. Потом захожу к одному знакомому на Павелецком, чтоб уточнить что происходит, а знакомый в трусах сидит на кухне у пятидесятилитровой фляги спирта. На вопросы не отвечает, глушит спирт и твердит только одно: «Вот, трофейный!» Так я у него и отсиживался, пока у него всё не закончилось, и у меня. Выхожу – а там уже новая жизнь. И я как будто никуда не уезжал.

Я слушал Стоматолога и думал, какого лучшего мы встречаем столько людей, слушаем их истории, рассказываем свои, а потом остаёмся ни с чем. Ну можно, конечно, их запомнить, обдумать, сделать выводы, но только все равно – почему их так много?

Может, потому что это всё одна история, и у неё нет конца. И никакой писатель с ней не справится. Ну если только... Хотя нет.

– Мы идем к скульпторам, – заглянул в литературную комнату один из тех ребят, с кем я сидел за пивом. – Ты с нами?

– Мы с вами, – поднялся Стоматолог.

Девица ехать отказалась.

Собралась большая компания – на футбольную команду с запасными. Люди были между собой незнакомы: как они все сошлись, я не мог понять.

Вся команда еле стояла на ногах, будто сошла с корабля на берег неделю назад после кругосветного плавания.

На трёх машинах мы приехали в мастерскую скульпторов.

Я запомнил только одного сутулого в очках. Где мы и что за мастерская, в полумраке сложно было понять, всё кругом наполнилось шумом гулянки. Было ощущение, что мы в древних погребках Диониса, он откупорил свои бочки и струи плескались прямо в большой зал с высокими сводами и арками, где мы сидели за длинным столом.

Ещё не покидало ощущение, что кроме нас здесь кто-то есть. Сквозь дым различались смутные силуэты у стены. Казалось, там шла целая процессия.

Под утро гости разбрелись.

Стоматолог, продолжая заботиться обо мне, вывел куда-то за Курский вокзал в старомосковские дворы на квартиру молодой художницы из «Плэйбоя». Выглядела она презабавно – вылитая Пэппи Длинный Чулок, длинная, нескладная и чудоковатая.

Наш измотанный вид её не шокировал, но она категорично заявила:

– Вас в таком виде с вашими бутылками здесь не оставлю. Отдохните, пока я собираюсь на работу, и вместе выходим.

Это было разумно, особенно для Пэппи.

Полчаса мы сидели и делали вид, что нам всё нипочем. Хотя я ещё прикидывал – вдруг повезёт, останусь и женюсь на Пэппи.

– Тебе есть куда идти? – спросил Стоматолог.

– Найду.

– Я тебя провожу.

На свою кухню я вполз к вечеру.

– Это всё издержки жизни известного писателя, – объяснил я друзьям.

Через пару дней я пришёл в себя и отправился на поиски мастерской скульптора. Там остался отличный складной ножик со штопором и ручкой из красного дерева. Я нашёл его в горах, он был дорог как память.

Я кружил по переулкам, смутно вспоминая, что был проходной двор и арка, а внутри арки дверь в стене. Находил одно и то же похожее место и звонил туда, за пару часов я сделал несколько кругов.

Волосатый детина, открывавший дверь, сначала смотрел участливо и делал вид, что хочет помочь.

– Где здесь работают ваятели? – спрашивал я.

– Не можешь вспомнить, где веселился, – понимающе кивал парень. – Твоих здесь нет, тут другая контора.

Когда я позвонил в пятый раз, он не стал открывать, а изучал меня в дверной глазок и молчал.

– Где здесь ваятели? – пинал я дверь.

Плюнув в наблюдавший глазок, я пошёл ещё на один круг. Подушав, сбился с дороги и уже шёл, куда ноги ведут. В незнакомом дворе я увидел сутулую спину, она показалась знакомой.

– Игорь, – окликнул я, пытаюсь угадать.

Спина развернулась. Человек в очках с оплывшим от пьянки лицом смотрел с гримасой лёгкого ужаса.

– Мы недавно были у тебя в мастерской, – неуверенно напомнил я.

– В мастерской, – также неуверенно согласился Игорь.

И тут он вспомнил.

– Как же, старик, помню тебя, – обрадовался Игорь больше, наверное, тому, что память ещё не совсем переключилась. – Ты ведь был у меня в мастерской на днях! И ещё целая толпа каких-то ребят. Ты ещё про Селина что-то классно рассказывал.

– Был, и оставил ножик со штопором, – подтвердил я. – Кружу здесь весь день и не могу найти, где мастерская.

– Она не здесь, а в Армянском переулке. Я зашёл сюда отлить. Пойдём, у меня как раз гости.

Гостей было немного, они тихо сидели за коньяком и беседовали об искусстве.

Как только мы попали в мастерскую, я увидел у стены вхождение Иисуса в Иерусалим, которое в прошлый раз было смутным видением. Но это было не видение, а внушительная скульптурная композиция из тринадцати фигур, впереди Иисус на осле.

Что-то случилось в моей душе, я видел только святую процессию. Ученики шли, погружённые в себя, никто не улыбался. О чём они думали? Уж точно не о том, о чём думал я: как и почему нужные образы в нужное время рождаются в художнике, кто за этим стоит?..

– Твоя работа? – спросил я Игорь.

– Моя.

Гости разбрелись, а я всё стоял и смотрел на работы сутулого скульптора.

– Наш знаменитый боксёр Саша Кошкин, – указывая на бюст, говорил Игорь. – А там Борис Николаевич.

– Ельцин? – удивился я.

– Балбес, – хлопнул меня по плечу Игорь, и с грустью и гордостью проговорил:

– Греков Борис Николаевич – мой второй отец и учитель. Заслуженный тренер России по боксу. Видел бы ты, как его хоронили.

– Ты извини, старик, я совсем не знаю историю нашего бокса. Недавно вот только узнал, кто такой файтек... В детстве я классической борьбой занимался, а потом баскетболом.

– Ничего.

Я хотел поддержать беседу:

– А что стало с Кошкиным?

– Спился Саша... Заходил вот недавно.

Игорь достал журнал.

– Смотри – его портрет на международном турнире в Праге.

С фотографии глядел удивительно симпатичный юноша эпохи Возрождения с одухотворённым лицом поэта, никак не боксер.

– Саня рассказывал, как недавно умудрился подрезать сразу четыре машины. И за пять секунд отключить пять человек, которые выскочили из тех машин, – рассказывал Игорь и как бы между прочим спросил: – Ты где живёшь, чем занимаешься?

– У друзей на кухне. Пишу рассказы, хочу в литературный институт поступить, – озвучил я идею, прямо в этот момент пришедшую в голову.

– Можешь в мастерской пожить. Будешь вонючий коньяк допивать?

Мы допивали коньяк, каждый думал о своём. Казалось, о чём-то думают бюсты и гипсовые фигуры.

Я думал о творчестве, о том, как боксёр стал скульптором, поэт назвался файтером, о любви учителя к ученикам.

Есть вещи, которые нам понятны сразу же. Есть вещи, которых не понимаем, но можем понять. И есть вещи, которых мы не можем понять, как бы ни старались, пока не постигнем их тайную суть. Как писал один самурай, человек, который не понимает тайного и непостижимого, всё воспринимает поверхностно.

Творчество и любовь таинственны и непостижимы, пока сомневаешься в их непрерываемой власти. Никаких сомнений, если любишь и способен творить! А иначе будет только нелепая толкотня со своими сомнениями, смешная, как поединок между Чарли Чаплином и Ханком Маном в «Огнях большого города».

Я позвонил друзьям и сказал, что кухня в их распоряжении.

В мастерской, как в большой келье, было хоть не особо уютно, но спокойно и позитивно. Хотелось засучить рукава и что-нибудь сваять.

Утром я вышел прогуляться по Садовому кольцу в сторону Рогожской слободы.

Солнце поймало меня на Школьной улице. Со своими разноцветными двухэтажными домами в лучах света она походила на корзину с пасхальными яйцами. По лицам прохожих чувствовалось, что хоть до весны далеко, настроение весеннее вполне не только у меня.

Как собака ультразвуки, я улавливал будущее – свободное от мусора и лжи. И если не допозду до него, то если кто-нибудь там просто вспомнит обо мне, я появлюсь.

Личный мир исчезнет, растает и почти неуловимо перейдёт в другое бытие. А пока мы здесь, нужно согласиться с известным писателем Килгором Траутом, утверждавшим до последнего дня своей жизни, что мы здесь, на земле, для того, чтобы бродить, где хотим, ничего не забывая при этом... Мы здесь, и правда, для того, чтобы быть свободными от условностей.

Чувствуя, что иду не один, я свернул к Абельмановской заставе, дошёл до храма Матроны.

От дневного солнца совсем потеплело. Во мне зарождались ещё далекие, но радостные образы, шествовавшие со мной, как весенняя процессия в Иерусалим. Глупо улыбаясь несуществующему здесь миру, не чувствуя усталости, я шёл через Крутицкое подворье и Москва-реку по Новоспасскому мосту к Павелецкому вокзалу. И дальше по Крымскому валу вышел к ЦДХ.

Книжная ярмарка «Non / Fiction» работала второй день. Не сбавляя темпа, я проник внутрь. Потолкался среди интеллектуалов, осведомился об интересующих книгах.

– Не издали ли ещё чего нового Тадеуша Ружевица? – спросил я у симпатичной женщины у стенда издательства польской литературы. – Очень хочу его почитать.

– Последний раз его печатали в «Иностранной литературе» в конце восьмидесятых, и вот недавно вышло небольшим тиражом двуязычное издание «На поверхности поэмы и внутри», но здесь вы его вряд ли найдёте.

Довольный разговором я прошёл дальше. И вдруг увидел другого известного писателя, от чтения его текстов у меня тоже порой мурашки пробегали.

Юрий Мамлеев отстранённо сидел за письменным столом и раздавал автографы. В зелёных очках он выглядел, как Гудвин из Изумрудного города, очень волшебю.

Обрадовавшись встрече, я не мог устоять – отдал всю имевшуюся наличность за небольшой сборник рассказов и подошёл к известному писателю.

Он ко всем бравшим автографы относился отстранённо, смотрел куда-то сквозь стены и лишь спрашивал, занося ручку над книгой:

– Для кого?

– Для Славы, – сказал я, когда подошла моя очередь.

Тут известный писатель вернулся из отстранённого бытия и посмотрел на меня.

– Мы с вами где-то встречались, Слава, – полувопросительно и добродушно произнёс Гудвин Мамлеев.

Я точно знал, что мы нигде не встречались, но такой уровень общения был приятен, и я легко поддержал беседу:

– Возможно.

– На каком-нибудь литературном вечере, – предположил Гудвин.

– Да, или ещё где, – загадочно покачал головой я, глядя в зелёные очки.

Мамлеев хотел ещё что-то сказать, но со всех сторон тянулись руки с книгами, он придвинул к себе мою и размашисто написал: «Дорогому Славе от Юрия!». Вручая экземпляр, он тепло пожал мне руку.

С подписанной книгой меня быстро отеснили от стола, но я чувствовал, как ещё несколько мгновений мой образ держался перед мысленным взором писателя – возможно, он даже успел подумать: «Где же я всё-таки видел этого Славу... Наверное, тоже известный писатель...».

Я вышел на улицу, вдохнул свежего воздуха. Солнце исчезало за домами, стало морозно. Но настроение было по-прежнему, весеннее.

Можно и ещё прогуляться. Как написал известный писатель – дальше вперёд пешком.